

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КАВЕРЗЫ ИННОВАЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье анализируется и критически оценивается мировоззренческая ситуация, культивируемая в стране властными структурами. В числе удручающих мировоззренческих каверз рассматриваются: умаление роли философии, как ответственного свободомыслия, в угоду догматизму религии, декларативному объективизму науки и утилитарно-коммерческому типу мышления; внедрение в коллективное сознание элементов профанной эсхатологии; ставка власти на принцип эффективности в вопросах организации общественной жизни. В соотношении с аутентично философским взглядом на мир, фиксируемым изречением Гераклита Эфесского, формулируется и обосновывается ряд конкретных претензий к религиозно-церковным христианским воззрениям и практикам, к альянсу церкви и светской власти. Аргументируется необходимость и желательность метафизически корректных дискуссий философов и теологов. Подчёркивается недопустимость и пагубность вульгарно прагматического подхода к сферам образования и науки. Текст периодически отсылает потенциального читателя к идеям Никколо Макиавелли, с его неподобострастным, реалистичным взглядом на человека и мир.

Ключевые слова: человек, мировоззрение, философия, религия, наука, идеология, идеократия, Россия, эсхатология, эффективность.

Умаление роли философии как симптом неприятия самостоятельности человека

Мировоззрение есть предпосылка, процесс и результат более или менее систематического осмысления мира, внешнего и внутреннего, с целью надёжной ориентации в нём. Оно никогда не бывает одноуровневым: только обыденным, либо исключительно сверхобыденным (философским, религиозно-теологическим, научным). Доминирование в мировоззрении сверхобыденной компоненты не гарантирует достойной и счастливой жизни. Но последняя невозможна вовсе без идей, выходящих за рамки тривиального повседневного существования. Если, разумеется, не принимать во внимание довольство и счастье идиота.

Выбор легирующих присадок для обыденного мировоззрения невелик, и философия с религией оказываются тут конкурирующими элементами, обладая и существенно разнящимися, и схожими чертами. Да, обе они пытаются и считают корректным вести речь о конечных, финальных причинах существования и состояниях человека,

общества и природы. Иначе говоря, обе они в той или иной степени телеологичны. Сближаясь друг с другом по этому параметру, философия и религия совместно дистанцируются от науки, которая — со времён Р. Декарта — запрещает себе апеллировать к причинам целевым, концентрируясь на отыскании и изучении причин действующих. Вдобавок, философия и религия — в формате антропоцентризма и теоцентризма соответственно — предпочитают скорее отличать человека от остального сущего, тогда как наука — в формате системы объективных закономерностей — скорее уподобляет его остальному сущему. Однако в религиозной оптике (монотеистических вероучений *par excellence*) особенность человека усматривается не столько в его возвышении над всем иным тварным, сколько в ничтожестве перед Творцом, пред которым, несомненно, ничтожно и всё иное тварное. Здесь, через умаляющее уподобление всего сотворённого, намечается небезопасная для людей — для их экзистенции, свободы, личностной ипостаси — структурная смычка религии и науки.

Философ говорит не о законах и не о промысле — а о судьбе, не слепой и не податливой, а со-

перничавшей с ним. Вот образцовое рассуждение Н. Макиавелли. «...Дабы не была утрачена наша свободная воля, можно, думается мне, считать за правду, что судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим». И «раз судьба изменчива, а люди в поведении своём упрямы, то они счастливы, когда судьба в согласии с их поведением, и несчастливы, когда между ними разлад. Полагаю, однако, что лучше быть смелым, чем осторожным, потому что судьба женщины, и, если захочешь владеть ею, надо её бить и толкать. <...> И наконец, как женщина, судьба всегда благоволит к молодым, потому что они не так осмотрительны, более отважны и смелее ею повелевают»¹. Да, в философии есть и мужчина и женщина, и эллин и иудей. Как роженица кричит «Мама...» на родном языке, так и философ только родным словом прикасается к подлинной, сокровенной реальности.

Религия настаивает на связанности человека; на том, что ему — одному — в этой жизни не выстоять и без помощи — свыше — её не пройти; человек обречён быть если не падшим, то ведомым. Философия, не отрицая людских привязанностей и пут, зарождается и существует поныне как идейное подспорье жизненно самостоятельного человека. Она, устами Гераклита, ответственно заявляет: «Человек в ночи себе свой зажигает огонь», пусть даже «ночь — первейшая богиня»². Это изрекает, что немаловажно, не антропоцентрист софистического толка, авантюрно противопоставляющий человека природному миру и зубоскаляющий над сферой сакрального, а натурфилософ («физиолог», «физик»), для которого человек противоратной гармонией органично сращён с небездушным космосом, населённым к тому же богами и гениями.

Неоспоримая ценность философии в том, что она учит людей самостоятельно, а значит и ответственно, мыслить и глубоко чтить при этом наследие мировой культуры (ведь философия и её история неразделимы). Подобного нельзя сказать ни о религии, ни о науке. Религиозное сознание жёстко нормировано системой догматов, научное — постулатами господствующей

парадигмы. И вряд ли, к примеру, монотеист с глубоким почтением отнесётся к исторически предшествовавшим политеистическим верованиям, а учёный нововременной формации — к аристотелевской физике и геоцентризму. Философ, наверное, не будет строить новых храмов (он лучше поможет возвести библиотеку), но и старых рушить не станет (если не выродится в политика). Тогда как церковь в альянсе со светской властью регулярно, с латинских времён до нынешних российских, закрывает или молчаливо помогает закрывать академии. Философия зарождается в кругу свободных людей, и дух свободы в ней неистребим. Христианская религия, православная версия которой сегодня у нас активно реанимируется и целенаправленно внедряется правящим слоем в сознание народа, возникает в среде рабов и угнетённых масс. Данный факт — из истории Римской империи — неопровержим. И неудивительно, что «при всех противоречиях социальных и моральных принципов в евангельском христианстве всё же доминирует одна этическая норма: проповедь терпения, покорности, прощения обид. <...> Она всегда на руку эксплуататорам»³. Трудно не согласиться с выводом известного отечественного исследователя С.А. Токарева.

«Если Бога нет, то всё дозволено» — хрестоматийно повторяем мы вслед за героем Ф.М. Достоевского. И заблуждаемся. Человек делает только то, что может (может и хочет, возможно, не осознавая того) сделать. Независимо от того, сам может и хочет или по наущению. Безотносительно к тому, существует Бог или не существует. Разница в другом. Если Бог есть, то все и каждый ответственны за всё, и это всё тем самым вольно или невольно получает в итоге оправдание. Включая любую мерзость. Если Бога нет, то все и каждый отвечают не за всё, и далеко не всё уже может получить в конце концов оправдание; появляются некоторые, кто никогда уже чего-то не оправдает, а за что-то и за кого-то будет стоять до конца. Таков настоящий человек. Во всех смыслах слова «настоящий». Абсолютная ответственность человека, оказывающаяся неискупимой виной за попустительство злу, — такая же напраслина и профанация его сущности, как и тезис о безграничной человеческой свободе.

¹ Макиавелли Н. Государь / пер. М.С. Фельдштейна // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 103-105.

² Гераклит Эфесский: всё наследие на языках оригинала и в рус. пер.; крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 161, 159.

³ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. 5-е изд. М.: Республика, 2005. С. 472.

Самостоятельно мыслящий индивидуум, подерживаемый философией, без труда заметит, что конструируемая властью мировоззренческая ситуация в современной России удручающа. Концептуальных несостыковок — через край. Вот, в качестве иллюстрации, несколько.

С высоких трибун говорится о необходимости духовного возрождения, о возвращении к культурным истокам. И мало бы кто возражал — однако под истоками чаще всего подразумевается исключительно или преимущественно православно-христианские основания, а почему-то не более древние традиции.

Раздаются громкие призывы к воспитанию патриотизма. Очень хорошо. Однако как нелукаво воспитывать патриотизм с опорой на религию, которая провозглашает, что нет пророка в своём Отечестве? Дословно. «...Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём» (Мф. 13: 57). На языческой религии, воспевающей родную землю и её героев, патриотизм взращивается. С опорой на монотеистический универсализм сделать это весьма проблематично. Если, конечно, не педалировать меж- и внутриконфессиональные разногласия. Но тогда реставрируется по сути политеистическая (языческая) религиозная конфигурация.

Третий острый вопрос, обращённый сразу к светским и церковным властям, к их союзу. Как можно, будучи в ладах с собственной совестью, одновременно служить двум господам? С одной стороны — техническому прогрессу, который поступательно трансформирует многогранного натурного человека в одномерно-законосообразное теплохладное существо, а затем и в напичканного гаджетами машиноподобного постчеловека. С другой стороны — блюсти новозаветный канон, который, отодвигая закон на второй план, предельно уничижительно отзывается об умеренной и аккуратной теплохладности. Буквально. «Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 16). Сверх того, христианство безапелляционно утверждает, что истинное преобразование человеческой плоти является прерогативой Бога, а не тварных персон и институций.

Мировоззренческий спор философии и религии должен вестись сегодня максимально открыто и контактно. В частности и прежде всего им уместно соревноваться в качестве двух разнящихся метафизических парадигм. В первую очередь речь идёт о полемике философской онто-

логии и онтологии религиозной (теологии). Они обе заняты проблемой абсолюта. Но в философской онтологии указание на Бога есть лишь одно из возможных решений означенной проблемы, тогда как в теологии оно единственное. Удобная площадка для дискуссий — университетские аудитории. Предварительно, конечно, нужно сохранить и укрепить философские факультеты и кафедры и открыть в светских вузах соответствующие теологические структуры. Нужно дать возможность и философам, и теологам защищать диссертации и в тех, и в других советах (теологические нужно открыть) — по тем правилам, которые установлены сведущими в метафизике людьми.

Признаюсь, мне, человеку нерелигиозному, видится здесь вполне определённый резон (в поддавки играть никто не собирается). Опыт европейских стран показывает: немалое число дипломированных теологов выходит из стен светских вузов последовательными богоборцами и атеистами. В самом деле. Студент-теолог общается со студентами других специальностей. Одни и те же читальные и спортивные залы, одни и те же вечеринки и девушки. На выходе получаем вменяемого дипломированного специалиста. Вспомним, выпускник-теолог Тюбингена утверждал, что не существует никакой непознаваемой вещи-самой-по-себе — стало быть, не существует никакой трансцендентности и никакого Бога. У выпускника-теолога Фрайбурга находим не менее интересную мысль: вторгающееся в мир бытие нуждается в человеке как в своём пастухе. Ну где тут место всесильному сверхъестественному существу?

В средней общеобразовательной школе ни философу, ни теологу делать нечего — рано (кружки старшеклассников при университете — пожалуй-ста). Служителям церкви преподавать в светских учебных заведениях, даже факультативно, — недопустимо. Пусть проповедуют в храме: тем, кто сам туда пришёл или кого привели родители. Пусть открывают воскресные школы, наконец. Всерьёз заботясь о мировоззрении подрастающего поколения, нужно пристально взглянуть на структуру гуманитарных дисциплин. В школьной программе, убеждён, излишни все педагогические «новоделы» с приторным морализаторством, типа «Основ светской и религиозной этики». Особого внимания в ней заслуживает не только курс истории, учебники по которому всегда чрезмерно идеологизированы и поли-

тизированы, но и курс литературы. Пособия по нему тоже, конечно, всегда ангажированы. Но у школьников есть возможность помимо комментаторских текстов знакомиться непосредственно с текстами первоисточников и с большой степенью самостоятельности осваивать их. Тогда как сравнивать писаную историю с оригиналом возможности у подростков нет. Литература обладает ещё тем достоинством, что в классических произведениях в снятом, щадящем неокрепшее сознание, виде содержатся и философские, и религиозные смыслы. Разумеется, педагог должен быть способен тактично и внятно их эксплицировать. Реализовано это будет только тогда, когда учитель вновь станет в нашей стране статусной социальной фигурой.

А что сейчас? Столкнулся в Интернете с сообщением. Школьная преподавательница биологии совмещала свои занятия со съёмками в фильмах для взрослых. А почему бы и нет, спрашиваю я себя? В современной России порнозвезда — успешная социальная единица. Она оказывает высокооплачиваемые интимные и вуайерные услуги. (Вуайор — любитель подсматривать за раздетыми людьми или наблюдать эротические сцены.) Школьный преподаватель оказывает сегодня низкооплачиваемые образовательные услуги. А раз там и там речь идёт всего лишь об услугах, то вполне логично совмещать и чередовать их оказание. Сразу можно подумать и о том, чтобы дополнить — по выбору — выпускные экзамены в педагогических вузах кастингом на видео- и кино-порностудиях.

Тот, кому подобная рекомендация представляется неприемлемой и нелепой, вынужден будет согласиться и признать предельно негативную характеристику лиц, реформирующих отечественную систему образования, где учитель становится прислугой, а ученик — высокомерным зомби, шаблонно манипулирующим подсовываемой ему информацией. Смотришь на горе-реформаторов и складывается стойкое впечатление, что вместо мозгов у них туго скрученные денежные купюры. Вот они и оперируют ими (не ясно, правда, кто кем) в меру конъюнктурных возможностей. Тотальный утилитарно-коммерческий взгляд на мир, которым мерится и здравоохранение, и образование, и наука. Донельзя формализованный подход к делу: угнетающий любого человека, преданного содержательному ремеслу, — но позволяющий с прибыльной лёгкостью пересаживаться из одного руководящего

кресла в другое. Не философский — экономический стиль мышления. Разумеется. В оправдание нередко кивают на Запад. Но ведь оттуда можно импортировать разное. Не мной подмечено, кем-то из поляков: чем хуже реальная хозяйственная ситуация в стране, тем больше в ней появляется экономистов и тем больше оголяются публичные девицы. Потом. Ещё несколько десятилетий назад на наших экранах широко демонстрировался фильм о Высоком блондине в ботинке. И все — и французские создатели картины, и отечественные зрители — дружно смеялись, как на должность начальника секретной службы назначают бывшего министра сельского хозяйства. Так зачем же теперь самих себя превращать в посмешище, тасуя краплёные административные карты? Формализм и некомпетентность редко не идут рука об руку. Важна и актуальна сейчас для нас известная каждому успевающему студенту философская подсказка с Запада. На заре Нового времени Ф. Бэкон, выстраивая стратегию научного освоения мира, выделил два типа опытов: плодотворные и светотворные. Первые дают непосредственно практический результат. Вторые его не дают, однако позволяют получить данные об условиях проведения и механизме опытов плодотворных. Приоритет, по Ф. Бэкону, безусловно должен принадлежать светотворным опытам. Переходя от метафор к привычным понятиям, понимаем: фундаментальная наука должна иметь стратегический приоритет перед наукой прикладной, оценивать научные результаты в дензнаках — признак недалёкого ума.

Философу нечего стесняться, его дело правое, он должен упрямо во всеуслышание твердить: тот, кто притесняет философию, выступает против самостоятельно мыслящего и живущего человека, прочно держащегося мировой культурной традиции.

В тенётах профанной эсхатологии

Эсхатология — учение о конце мира, о конце земной человеческой истории. Оно не обязательно религиозно по своему характеру: отнюдь не только божественным провидением может быть детерминирована финишная черта человечества. Цивилизация людей способна погибнуть в результате природно-космической или техногенной катастрофы, истребить себя в глобальной войне или тихо скончаться от старости.

Эсхатологическая концепция всегда соотносена с определённой временной парадигмой, каковых, в первом приближении, две: циклическая и линейная. В циклической матрице эсхатологическая идея приглушена и не играет главенствующей роли. Здесь конец всякого очередного витка истории с необходимостью означает начало нового. И даже если иметь в виду не банальный повтор, не возвращение равного, а, напротив, возвращение не равного, избирательного, то есть столкновение с очевидным качественным скачком, то и он, этот скачок, не оказывается срывом, аннигиляцией. Эсхатологическая идея глубинно укоренена и предельно остро актуализируется в линейной временной матрице, когда некоторые, по крайней мере, события принципиально неповторимы. Подобное встречается, в частности, в авраамических верованиях.

Религии откровения априори пронизаны эсхатологическим настроением, при ослаблении коего они обкрадывают себя, иссыхают, теряют притягательность. У церкви, как социального института, иное, заведомо двойственное отношение к концу истории. Доктринально она настаивает на нём, реально — пытается отодвинуть подальше, в тёмное светлое будущее: иначе её посреднические функции минимизируются. Именно церковь первой ступает на путь десакрализации, выхолащивания эсхатологической идеи.

Сакральное учение подвигает человека к порогу чудесно-таинственной сферы жизни, профанные учения отгораживают и отдаляют человека от неё. Первые возвращают в человеке экзистенциальную сосредоточенность, собранность. Вторые культивируют расслабленность и распущенность. Подлинно эсхатологическое учение с очевидностью сакрально, ведь оно предрекает гибель дорогих тебе людей. Тут не до шуток.

Умаление эсхатологической идеи происходит не только вольной или невольной передвижкой конца света в неопределённую временную даль, но и корыстным, вульгарно-идеологическим указанием на его возможные ближайшие даты. Что мы и наблюдаем сегодня. Власть крайне заинтересована в том, чтобы отвлечь людей от реальных, насущных жизненных проблем.

Применительно к России — это прежде всего чудовищное социальное расслоение, помноженное на существенный рост межэтнической и межконфессиональной напряжённости. По индексу развития человеческого потенциала

(ИРЧП), согласно данным ООН за 2011 г., наша страна занимает 66 место в мире. Мы уступаем в этом рейтинге, к примеру, Эстонии, Литве, Латвии, Уругваю, Кубе, Панаме, Тринидаду и Тобаго, Беларуси. И по-соседски возвышаемся над Гренадой, Коста-Рикой, Сент-Китс и Невис⁴. (По данным нового отчёта ООН, опубликованного 14 марта 2013 года, Россия перебралась на 55 место. Но принципиальных изменений не произошло: мы и сейчас не в группе лидеров, а в пелотоне, недалеко от Тринидада и Тобаго, а Эстония, Литва, Латвия и Белоруссия, в адрес которых наша пропаганда периодически отпускает колкости, снова впереди нас.) Это при наших-то природных и культурных богатствах, нерастраченном ещё до конца интеллектуальном потенциале и «какой-никакой» инфраструктуре, доставшейся от советского строя... Правящей группировке выгодно потчевать население экстраординарными шокирующими угрозами: нашествием инопланетян, восстанием зомби, эпидемией неунничтожимого вируса-мутанта (на нескольких телеканалах только об этом и говорят). В ряду пред-поствыборных страшилок вселенский апокалипсис занимает центральное место. Всё остальное, дескать, ерунда: дураки и дороги, утечка сырья и капиталов за границу, развал образования и науки. Конечно, где жизнь на копеечную зарплату (да ещё с хамскими поучениями министра), где алкоголизм и наркомания, а где монструозные космические пришельцы и всемирный потоп! Разговоры о глобальном катаклизме льстят нашей политической верхушке и по другой причине. Россия принадлежит к числу государств с мессианским статусом. Им, само собой, и отвечать на вселенские вызовы.

Схожая ситуация в США. Тамошнему истеблишменту выгоден дискурс «конца света» и по мессианским, и по финансовым соображениям. Формула «апокалипсис больше или равен краху доллара» в зависимости от акцентировки приблизительно работает в самых разных обстоятельствах. В зависимости от ситуации обывателя можно и напугать, и обнадёжить.

Китайская политическая элита наверняка с подозрением относится к эсхатологическому дискурсу. Распространение его означает не только

⁴ См.: Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и развитие возможностей: Лучшее будущее для всех / пер. с англ. Д. Голосного, Н. Заборина, А. Скобелкина; ПРООН. М.: Весь Мир, 2011. 188 с.

отклонение от базовой для Востока культурной — циклической — парадигмы, но и свидетельствует о частичном недоверии подданных к власти. А в Поднебесной и поныне правила социальной игры требуют знаков доверия к вышестоящим персонам и институтам.

Оставим, наконец, социально-политический контекст и, соответственно, социально-политическую причину профанации эсхатологической идеи, обратимся к контексту психологическому, вернее, экзистенциальному. Почему люди, и не только религиозные радикалы, восприимчивы ко всякой апокалиптической молве? Почему они не отвергнут опошленную апокалиптику, не выставят её на всеобщее осмеяние? Ответить не сложно. Люди жаждут экстрима или его имитации, и тем сильнее, вероятно, чем монотоннее — комфортнее, скучнее, безысходнее — их повседневная жизнь. Кто-то, сильный и жизнерадостный, лёгкий на подъём, отыскивает острые ощущения в экстремальных видах спорта и туризма. Более ленивый и осторожный пользуется услугами виртуальной реальности, моделируемой компьютером. Кому-то и туда путь заказан. Остаётся усесть на диван и, прихлёбывая чаёк, смаковать в «прямом эфире» светопреставленческие сюжеты. Разумеется, каждому — своё. Беда в том, что именно эти последние, «телезрители», и посещают почти в полном составе избирательные участки. Геополитический итог плачевен: восседаем у разбитого корыта вдали от тёплых морей под аккомпанемент великодержавной пропагандистской трескотни. Чем хуже будет складываться социально-экономическая ситуация в стране (сколько ж можно воровать и приватизировать!), тем чаще будут анонсироваться космические катастрофы, визиты инопланетных агрессоров и происки их тутошней «пятой колонны».

Итак, обнаруживаются три главные причины выхолащивания эсхатологической идеи и культивирования её в вульгаризированном виде:

- *клерикальная*, инициируемая интересами церковных структур;
- *политическая*, инициируемая интересами светской власти (в первую очередь государств с мессианским апломбом, которые, однако, утратили, либо вот-вот утратят мировое лидерство);
- *экзистенциальная*, проистекающая из собственно человеческой скудости и дряблости.

В тупике эффективности

Если верен тезис об идеократической сущности России, отличной от этократии Востока и номократии Запада, неизбежен вывод о глубочайшем кризисе, в котором пребывает сегодня наша страна. Она лишена структурообразующей идеи, открыто озвучиваемой властью и находящей отклик в народе. Нынешняя ситуация сложилась вследствие цивилизационной катастрофы, вызванной дискредитацией теории и практики «реального коммунизма», что выразилось в распаде Советского Союза и мировой системы социализма.

Советский проект — при всех его изъянах — нёс в себе огромный позитив, очевидный не только для апологета коммунизма. Во-первых, это был проект *нециничной светской культуры*, в которой морально-нравственные ценности ставились, по крайней мере могли быть поставлены, выше ценностей и юридически-правовых, и тем более религиозных. Советский строй создавал реальную возможность для формирования мировоззренчески цельного, недвуличного человека: социалистическая общественная мораль в отличие от морали буржуазной не является антагонистическим препятствием для достижения и поддержания личностно-нравственных высот. Во-вторых, советская общность людей содержательно решала национальный вопрос. Мне, русскому человеку, не было зазорно называть себя советским человеком — именовать себя россиянином язык не поворачивается. В-третьих, советская формация — какой она была воспринята и представляется мной, родившимся на рубеже 50-60-х годов, — имела определённые шансы перековать свой общественно-экономический тип в тип собственно общественный (социальный), если пользоваться терминологией К. Маркса.

Немецкий философ прав, путь к свободе лежит через преодоление экономической зависимости человека. Работать не для того, чтобы выживать, поддерживая своё физиологическое существование и минимальную социализированность, включённость в общество не в статусе маргинала. Нет, работать с несравнимо большим смыслом, «избыточно»: делая акцент на содержательной стороне труда, получая удовольствие от его процесса и результата и будучи в ладах со своей совестью.

Не верю тем, кто свободу проклинает. Даже когда эти проклятия сопряжены с критикой буржуазного мира и защитой Красной Империи.

Даже когда они исходят от талантливого словесника и стойкого, мужественного гражданина. Он-то обладал, и по праву обладал, в советском обществе немалой свободой, уровень которой обуславливался не только его высокими личностными качествами, но и близостью его нравственной позиции, несомненно вызывающей уважение, к установке общественной морали, гораздо более человеческой в сопоставлении с буржуазным аналогом, но всё же далеко не безупречной. Иначе говоря, не каждого нравственного человека советский строй награждал достойным уровнем свободы. И наоборот, среди поощрённых немалой свободой советских граждан оказалось изрядное количество двурушников и прохвостов — но свобода за них не в ответе.

Советский строй не был и не мог быть экономически эффективным — потому что не был и не мог быть по преимуществу экономическим. Напротив, он, сопротивляясь буржуазности, изживал в себе экономизм и присущую тому эффективность. Неудивительно, что экстенсивные методы хозяйствования всегда превалировали у нас над интенсивными. Это репрессировало и развращало людей, калечило природу. Это привело к достижению военно-промышленного паритета с Западом при существенном отставании от конкурента в гонке по производству товаров бытового потребления. Как бы то ни было, сугубо экономическое соревнование социализма с миром капитала заведомо обречено на поражение, на реставрацию капиталистических отношений: шоковую (в России) или неспешную (в Китае). Отсюда ещё не вытекает, однако, неизбежность системного поражения социалистического строя. Не вырисовывается и индульгенция для буржуа.

Чем же плох капитализм, что мне в нём не нравится, за что его можно и должно критиковать? *Капитализм есть общество посредников и посредственности.* Это епархия денег — универсального анонимного медиатора, который, отбирая, притягивает к себе — в тенденции — людей соответствующего типа. Сегодня их влияние в мире почти тотально. Такое было не всегда. Содержательная, авторская составляющая человеческой деятельности, доминировавшая в обществах традиционного типа (доминировавшая, правда, локально: за рамками рабского и крепостного труда), не сразу, постепенно выкорчёвывается методической современной практикой. Как исподволь, постепенно иерархически-почвеннические конфигурации жизни вытесняются виртуально-

сетевой конфигурацией существования. Вердикт В.И. Ленина об империализме как высшей и последней стадии капитализма верен лишь наполовину. Империализм — высший, но не последний этап движения капиталистической формации, которая в отличие от всех предшествующих и от конкурирующей с ней коммунистической (социалистической) без фатальных последствий переживает свой пик, свой золотой век. Ныне она успешно функционирует в постимперском либерально-технократическом облике. В любой империи находились медвежьи углы, где можно было укрыться от центральной власти. Сейчас это весьма затруднительно: то ли спасительных пустошей физически не осталось, то ли и они, согласно М. Фуко, уже освоены диффундировавшей властью. Капитализм, раз возникнув, институционализировав общественный процесс опосредованного обмена, никогда уже окончательно не сойдёт с мировой социально-исторической сцены. Его чередование и сочетание с матрицей социализма — наиболее вероятный сценарий дальнейшего развития событий, если они, конечно, продолжат укладываться в нововременную (модерновую) сюжетную линию. Если парадигмальные перемены не принесёт консервативная революция.

Очно-заочно соревнуясь с коммунизмом, трансформируясь, капитализм экстраполирует принцип эффективности — скорее формальный, нежели содержательный; количественный, нежели качественный; исчисляющий, нежели понимающий (в терминологии М. Хайдеггера) — с области экономической и на область социальную. На выходе обнаруживаем коммуникацию вместо общения: обмен калькулируемой информацией и трансляцию алгоритмизированных образцов поведения. Это сильный ход изворотливого противника. Эффективность, неся в себе экономизм в снятом виде, насквозь пропитывает им социальную среду. Общество, социальное по своим декларациям и презентациям, по сути своей остаётся экономическим, капиталистическим. При этом оно притягательно для обывателей, особенно тех, кто живёт с оглядкой на имидж: собственной персоны и окружающих. Впрочем, ведь и советский строй оказался привлекателен не только идейным людям, но и обывателям, особенно тем, кто привык жить с оглядкой на других в ощущении, что ему чего-то недодают. Одни открыто держались идеи, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех,

вторые втайне подразумевали, что несвобода всех есть залог несвободы всякого, независимо от нравственных, волевых и интеллектуальных качеств индивидуума. Эти вторые в массе своей корыстно-инстинктивно не приняли *перестройку*, отвергая её экономическую и социальную эффективность. Тогда как многие идейные люди, независтливо-рефлексивно отрицавшие капитализм и ратовавшие за углубление социалистических преобразований, купились на перестроечную эффективность. Увы, прагматически выверенная социальность инвариантно поддерживает и восстанавливает нормы буржуазного мира.

Эмпирически отслеженная и теоретически сублимированная, она минимум трояким образом ставит под сомнение положение К. Маркса о том, что переход от общественно-экономической формации к формации сугубо общественной является *необходимой и достаточной* предпосылкой эмансипации человека. Во-первых, повышение экономической и социальной эффективности отнюдь не обязательно способствует, или вовсе не способствует, историческому движению от капитализма к социализму и коммунизму. Во-вторых, вообще проблематичен формационный переход к чистой социальности, очищенной от экономических наслоений, стало быть, шансы на победу у коммунизма над капитализмом, мягко говоря, невелики. В-третьих, для человека, вполне может статься, не ценна и не достижима какая-то иная свобода, помимо той, которая и эффект которой имеют место в социально эффективном обществе.

В современном российском лексиконе есть несколько знаковых, кодовых слов, вызывающих — своим цинизмом — стойкое неприятие и отторжение сопряжённых с ними речевых и предметных практик. Скажем, слово «успешный». Оно указывает на того, кто достиг результата, всё равно какого, безотносительно к пройденному пути и использованным средствам. Или лексема «эффективность». И она фиксирует достижение результата, опять же любого, при минимуме израсходованных средств. Содержание поставленных и достигнутых целей тут вынесено за скобки. Успешным и эффективным может быть и киллер, и доносчик, и коррумпированный чиновник, и присосавшийся к нефтегазовой трубе паразит-олигарх.

Социальная эффективность индифферентна к социальной справедливости — если последнюю по тем или иным причинам не сводить открыто и

напрямую к количественным показателям. Если считать те (в частности, децильный коэффициент) недостаточными или не вполне достаточными для оценки меры справедливости, либо если беспардонно подтасовывать или утаивать их. Российская власть успешно сочетает оба контекста. Цинизм и вопиющая несправедливость — отличительные черты нашей нынешней общественной жизни.

От цинизма не спасает, наоборот, скорее множит его реанимирование и натужное рекламирование государством отобранных и одобренных им религиозно-церковных практик. Со времён Н. Макиавелли эффективные светские правители получили теоретическое добро на прагматическое использование в своих целях клерикальных идей и институций. Вместе с тем, по логике великого итальянца, властвующий политик вполне способен обойтись и без клерикальной поддержки — а если не способен, то он вовсе не эффективный правитель. Посылки и аргументы классика примечательны. Законодатели и вожди, настаивает он, «должны поощрять и поддерживать всё, что благоприятствует религии, хотя бы даже считали всё это обманом и ложью; и, чем более они мудры, чем более сведущи в познании природы, тем более обязаны поступать таким образом». В противном случае их начинания будут отвергнуты, «ибо только мудрый человек может видеть множество преимуществ, не имеющих в себе достаточно очевидности, чтобы в них точно так же убедились и другие. Чтобы устранить это препятствие, мудрые люди ссылаются на Бога». Без такой ссылки и без религиозного страха «государство или распадается, или должно сохраниться боязнью к государю, который в этом случае заменяет религию»⁵. Всё правильно, если имеем или планируем иметь разумного правителя и туповатых подданных, не играем в демократию и не молимся на права человека. А что, если правитель не так умен, а подданные не так глупы, не продали и не пропили совесть, не фетишизируют демократию и понимают, что любое своё право надо завоёвывать и оборонять — личными усилиями? Ну не примет всерьёз выпускник естественного факультета побасёнку о том, что каждый год в Иерусалиме в разные числа апреля-мая сверхъестественным способом загорается «благодатный огонь». А коли

⁵ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. Н. Курочкина // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 142-144.

примет, то, не кривя душой, сдаст диплом, откажется от доходного места и уйдёт в отшельники-странники — выжигая на корню всякую иронию и спекуляцию на сей счёт.

Российская власть оказалась не в состоянии за двадцать лет разработать внятную, содержательную, стратегического масштаба идеологию — тактически, ситуативно заменяя её эклектичным эрзац-продуктом с заметной долей в нём религиозной компоненты; дискредитируя тем самым не только себя и провозглашаемую собственную эффективность, но и профанируя религиозную идею. Та сильна и убедительна, насколько она вообще может быть таковой, в первую очередь своим эсхатологическим настроением, особенно в апокалипсической его вариации (речь идёт, понятно, об авраамических верованиях). Иначе говоря, религиозная идея живуча в обществе прежде всего в силу присущего ей радикализма, с которым светские власти всего мира ныне повсеместно разными путями и с разным успехом борются. Культурный, и не сказать что не эффективный, способ борьбы — эстетическая сублимация радикализма, перемещение его в литературные салоны, художественные галереи, театральные-концертные залы. Собственно, советская власть отчасти именно так, именно так надёжнее всего, боролась с религией: вместо церквей — музеи. Сейчас пошёл обратный процесс. От церкви власть предрасположена ждать радикального антирадикализма, несомненно «Смирись, гордый человек!». Твоих родителей-пенсионеров подвели к черте выживания, тебя самого нещадно эксплуатируют, а ты смирись... Ну уж нет. «История учит нас, что смирение никогда не ведёт к добру и, напротив, всегда вредит, особенно в отношении людей высокомерных...»⁶. Эффективность не требует жертв, она безразлична к ним. Власть цинична к людям, люди зеркально отвечают её сателлитам. Получаем выходку девиц в храме: в культурном плане — безобразную, плебейскую; в политическом ракурсе — демонстративную и эффективную. И нечего на зеркало пенять...

Бессодержательная эффективность индуцирует не только мировоззренческую эклектику и цинизм, но и накладно-дешёвую показуху. Как же, заниматься кропотливой предметной работой не хочется, нет ни желания, ни умения даже поспособствовать созданию приличествующей

ей атмосферы, атрофирована способность по достоинству оценивать содержательный труд. Но потешить самолюбие — это непременно и побыстрее. Стало быть, требуется закрыть «непрозрачную» Академию наук и возвести поблизости от столицы сциентистскую потёмкинскую деревню, ликвидировать бесплатный детско-юношеский спорт и купить готовых зарубежных мастеров, дать им российское гражданство и подсчитывать завоёванные ими медали.

Эффективно функционирующему социуму и его технологам философия, разумеется, не нужна. Не удивлюсь, если её вскоре изгонят из Дома на Волхонке и, потихоньку, из университетских аудиторий. Конечно, она в сердцевине своей «неоправданно затратна»; заумна и вместе с тем дурашливо-проста; она печётся о полнокровном человеке, не третирует его страстную натуру и одновременно взывает к его совести; оттачивает вкус, поощряет изящество, возвышенные стремления и тут же без сантиментов обращает нас к суровой действительности. Философия сродни жизни и чужда технологическим схемам. Она не станет их поддерживать и прославлять. И потому по меркам эффективности — обречена. Чтобы опровергнуть этот вывод, философии следует не приспособливаться к ситуации, не мимикрировать, а в очередной раз по-волчьи прыгнуть через расставленные вокруг неё красные флажки. Если окажется исчерпанным теоретический ресурс сопротивления натиску технократизма, выхолащивающего совесть, волю, чувства и живой ум, у университетского профессора останется почти непочатый практический ресурс: выйти на улицу и вывести за собой студентов, тех, кто по-человечески и корпоративно доверяет ему.

Каждая формация — общественно-экономическая, общественная, культурная, цивилизационная — имеет характерную шкалу мер и весов. Мерило эффективности, концептуально связанное с принципами простоты и прямого действия, принадлежит нововременной матрице, буржуазной по своей социальной доминанте. Ставя критерий эффективности во главу угла, мы вольно или невольно встраиваемся в капиталистическую колею исторического движения со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе с массой социальных проблем, которые, как показывает опыт опережающих нас западных стран, не способен решить эффективный социум. Отказ от капиталистической стратегии, даже в версии строительства «не капитализма и не социализма», предполагает

⁶ Там же. С. 252.

отыскание и возведение в статус приоритетного принципно иного оценочного критерия хозяйственной деятельности и жизни людей среди людей.

Список литературы:

1. Гераклит Эфесский: всё наследие на языках оригинала и в рус. пер.; крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
2. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и развитие возможностей: Лучшее будущее для всех / пер. с англ. Д. Голосного, Н. Заборина, А. Скобелкина; ПРООН. М.: Весь Мир, 2011. 188 с.
3. Макиавелли Н. Государь / пер. М.С. Фельдштейна // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 37-108.
4. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. Н. Курочкина // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 109-398.
5. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. 5-е изд. М.: Республика, 2005. 543 с.

References (transliteration):

1. Geraklit Efesskiy: vse nasledie na yazykah originala i v rus. per.; krat. izd. / podgot. S.N. Murav'ev. M.: Ad Marginem Press, 2012. 416 s.
2. Doklad o chelovecheskom razvitii 2011. Ustoychivoe razvitie i razvitie vozmozhnostey: Luchshee budushee dlya vseh / per. s angl. D. Golosnogo, N. Zaborina, A. Skobelkina; PROON. M.: Ves' Mir, 2011. 188 s.
3. Makiavelli N. Gosudar' / per. M.S. Fel'dshteyna // Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya. O voennom iskusstve. M.: Mysl', 1996. S. 37-108.
4. Makiavelli N. Rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya / per. N. Kurochkina // Makiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya. O voennom iskusstve. M.: Mysl', 1996. S. 109-398.
5. Tokarev S.A. Religiya v istorii narodov mira. 5-e izd. M.: Respublika, 2005. 543 s.